

Текст · 7 сентября 2022, 08:04

Дмитрий Швец,

«Я писал, что за день накипело». Комментировавший новости житель Кстово получил дела о терроризме, экстремизме и «дискредитации» армии

Взрыв в архангельском управлении ФСБ 17-летний анархист Михаил Жлобицкий устроил в ноябре 2017 года. Он погиб, трое сотрудников получили ранения, а силовики в ответ стали активно заводить уголовные дела по статье об оправдании терроризма за комментарии с намеком на симпатию к его поступку.

3 сентября 2021 года пенсионерка из Челябинска отсудила 60 тысяч рублей за незаконное уголовное преследование, начавшееся как раз из-за комментария о поступке юного анархиста. Следственный комитет сначала возбудил уголовное дело за репост со словами: «Что же это такое творится по всей стране... Дети убивают себя!», но позже был вынужден его прекратить.

В тот же день 42-летний Андрей Россиев, житель города Кстово в Нижегородской области, зашел на страницу радиостанции «Эхо Москвы» во «ВКонтакте» и оставил под этой новостью комментарий^[1]: «Прекрасная женщина, никто не сожалеет что мусорье сожгли, туда гнидам и дорога».

У него завязалась дискуссия с кем-то из других комментаторов, и кстовчанин написал собеседнику: «Олег, надеюсь сдохли, я просто не в курсе, или инвалидами остались?».

Восемь месяцев спустя, 27 апреля 2022 года, Россиев был задержан по той же статье о публичном оправдании терроризма^[2]. Поводом для возбуждения дела стали как раз комментарии к новости о пенсионерке.

Пока Россиев был в СИЗО, следствие добавило к делу новые обвинения — на этот раз по статье о возбуждении ненависти^[3] к сотрудникам правоохранительных органов России и Беларуси. Они появились после того, как силовики изучили комментарии, которые Россиев оставлял^[4] в сообществах телеканала [«Дождь»](#), изданий [Znak.com](#) и [«Свободная пресса»](#), а также в пабликах [«Ешкин крот»](#) и [«Новости СВЕРХДЕРЖАВЫ»](#) в мае — июле 2021 года.

Преступными сочли шесть реплик, как правило, касавшихся белорусских силовиков. Вот некоторые примеры:

- «Ребят у нас выбор, либо мусора горят как в Украине, либо этим гниды убивают нас как в Беларуси, по мне выбор очевиден».
- «Я так понимаю пора валить близких белорусским мусоров что прячутся в России, мало того что гниды за наш счет живут, еще посмели наших ребят тронуть, надо их жен и детей тут выциплять и мордой по асфальту возить».
- «...Только вычислить их совсем не сложно, и они от этого сильно срутся, уверен, данные этих давно есть, ибо вызов не секретный, и рожи достаточно засветили, пригодятся когда вешать их будут».

Примерно тогда же на Россиева составили административный протокол за «дискредитацию»

российской армии^[5]. Поводом стала жалоба женщины по фамилии Пашенцова, которая сообщила в полицию, что Россиев пишет оскорбительные комментарии к постам телеграм-канала [«Утенков News»](#). В дело в итоге вошли два комментария кстовчанина в сообществе [«Лентач»](#) во «ВКонтакте», оставленные в апреле 2022 года:

- «В аду горите с... насильники и мародеры женщин и детей».
- «Сдохли как шакалы и их забыли, такова жизнь ваты».

Кстовский городской суд [оштрафовал](#) Россиева на 30 тысяч рублей. Он тогда еще был в СИЗО, поэтому в заседании участвовал по видеосвязи.

Ближе к окончанию срока следствия по первому уголовному делу Андрей Россиев признал вину в оправдании терроризма и призывах к экстремизму, и 2-й Западный окружной военный суд [назначил](#) ему 300 тысяч рублей штрафа по обеим статьям. Кстовчанина наконец-то выпустили из СИЗО.

«Медиазона» поговорила с Андреем Россиевым о том, как из-за активности в соцсетях и эмоциональных комментариев он собрал почти полный набор статей, с помощью которых в России наказывают за слова.

«По большому счету, это крики в толпе»

В Кстово я живу давно, с 15 лет, но последнее время я большую часть жизни жил в Краснодаре. До кризиса, до ковида, был директором фирмы, занимался оказанием брокерских услуг. Еще до этого работал в «Газпроме» оператором по добыче газа. В принципе, политической активности у меня как таковой не было в реальной жизни.

То есть мой арест для моей семьи, вообще людей, которые меня знают, стал просто чем-то абсолютно непонятным: от меня ожидали чего угодно, но только не этого. Взглядов я был, безусловно, оппозиционных, мне много чего не нравилось, следил за деятельностью Навального, но ни в каких сборах не участвовал — чему я сейчас рад, потому что я видел людей, которые в тюрьме сидят в спецблоке как обвиняемые в терроризме, они за переводы по три тысячи рублей получают сроки по семь-восемь лет. С другой стороны, я тоже сидел за комментарии в интернете.

Наверное, самая большая глупость была то, что я писал комментарии и не скрывал своего имени, лица. Но я же не готовился ни к какой экстремистской или террористической деятельности. В принципе, даже эти комментарии, эта фраза — по большому счету, это крики в толпе, не самые страшные, не самые активные были, просто фразы. Для меня самого стало непонятно, почему выбрали меня. Это просто были фразы. То есть я говорю, почему меня привлекли, для меня самого стало непонятно, почему выбрали меня — я человек без приводов, но был судим^[6], хотя официально судимость погашена.

Условно, я это писал, просто потому что за день накипело. У меня нет друзей, с которыми я бы это обсуждал. Есть разногласия с близкими, но я не буду об этом спорить с больным старым отцом — смысла я в этом просто не вижу. А это была просто как болталка, выпустить пар, за этим ничего не подразумевалось. Вот за те две реплики меня обвинили в оправдании терроризма, хотя я не столько

там сказал: «Молодец, террорист», сколько сказал, что наплевать, что сдохли эти сотрудники ФСБ, а женщина — молодец. Относилась фраза к женщине, не имеющей отношения к теракту, которая тоже какой-то репост сделала себе на страницу.

И вот меня 26 апреля под фальшивым предлогом выкурили из дома. У меня родители переехали жить в Краснодар, я тоже планировал уехать, но пока дела в Нижегородской области. Позвонили отцу, чтобы он снялся с учета — у него охотничье ружье. Сказали, какие-то бумаги зависли в разрешительной службе, и мне надо написать объяснение, что он здесь больше не живет. Я договорился к восьми утра прийти. Выхожу в подъезд, спускаюсь пешком, на меня один человек в маске сверху прыгает, и еще двое снизу поднимаются, руки заламывают, выводят и сажают в машину.

По пути вопросы задают, я ничего не рассказываю, потом в наручниках, провели обыск дома и только после этого повезли в Следственный комитет, продиктовали, что дело завели за два комментария. Только вот эти два комментария за терроризм, экстремизма тогда еще не было. Я говорю: «Даже если я это написал, это мое личное мнение, как это можно считать преступлением?». Я первый раз слышу про статью 205^[7], в шоковом состоянии. Дали позвонить матери, потому что я только номера родителей помню по памяти, а телефон забрали при задержании.

Потом повезли в изолятор временного содержания, потом — в СИЗО, в спецблок, как особо опасного. На ИВС даже сотрудники не скрывали свою реакцию,

они за мной в прямом смысле бегали: «Что ты там такое написал, что тебя за это посадили?».

Дальше рутина тюремная. Сидел четыре месяца, продления [срока ареста], фактически допросов у меня не было, только был допрос об экспертизе и в конце, где я признал вину. Мне адвокат сказал, что смысла отрицать нет — у тебя из кармана вытащили телефон. Я сказал, что ничего такого не подразумевал, точно не хотел призвать к экстремизму или оправдывать терроризм.

И в СИЗО еще приезжали опера по административному делу [о «дискредитации» армии], сняли показания, писал ли я комментарии в апреле. Я говорю: «Не помню». Меня уговаривали, чтобы заседание прошло без меня, я отвечал: «Нет, я теперь на вас очень злой, и у вас на меня ничего, кроме комментариев, нет». Говорю: «Думал, вы меня хоть к Навальному притянете, но у вас на это мозгов не хватило». Участвовал [в заседании суда] по видеосвязи, говорю: «Дайте мне эксперта, который считает, что фраза "Горите в аду, насильники, убийцы и мародеры" дискредитирует армию». Два часа болтовни, 30 тысяч рублей штрафа.

А потом прокуратура на суде огребла, я это понял по реакции судей — прокурор запрашивал восемь лет по моим статьям. Я не судим, к делу приложены положительные характеристики, есть справка о болезни родителей и что я их поддерживаю.

Редактор: Егор Сковорода

1. Здесь и далее орфография и пунктуация постов Россиева приводятся в том виде, как в материалах его уголовного дела. Ссылки на сами комментарии, указанные в деле, не открываются, видимо, они удалены.
2. Часть 2 статьи 205.2 УК.
3. Пункт «а» части 2 статьи 282 УК.
4. Сами комментарии Россиева найти не удалось, возможно, они уже удалены.
5. Статья 20.3.3 КоАП.
6. В 2015 году Андрей Россиев был осужден на три года условно по обвинению в мошенничестве при получении кредитов по подложным документам.
7. Группа статей о террористических преступлениях идет в Уголовном кодексе под номером 205.